

У.Розенберг

РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ГОСУДАРСТВО И ПРОЯВЛЕНИЯ «ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ» НА ЗАКАТЕ СТАРОГО РЕЖИМА

Rosenberg, W. (USA). "A Regulating State and Manifestations of «Functional Legitimacy» on the Dawn of the Old Regime".

The author of the article believes that by 1917, the opinion that "fair" economic practice cannot be based on a "free" market had won a dominating position among the public. Economic "fairness" can be only reached by state interference. As a result, political economics in revolutionary Russia had a deep sensation of "incorrectness" of the subjective element which affected future Russian politics and culture.

В.С.Дякин как историк сыграл исключительно важную роль для моего поколения американских историков. Его труд «Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны» был опубликован в том году, когда мне была присуждена докторская степень и когда я изо всех сил старался разобраться в запутанной либеральной «каше» кадетской партии под придирчивым (официальным) надзором Ричарда Пайпса и при

благожелательной, но требовательной (неофициальной) опеке Леопольда Хеймсона. Опыт моей подготовки в Гарварде подводил меня к мысли, что такой труд, как «Русская буржуазия...», не мог появиться. Для чрезвычайно разностороннего, хорошо обоснованного и так подробно проведенного исследования Дякина характерна игра оттенков и двойственность там, где я ожидал увидеть стереотипную жесткость, чувствительность вместо резкости, усложненность там, где, как я думал, я столкнусь с упрощением, столь характерным для исторических работ того периода. Больше всего в этой книге на меня произвели впечатление не только исключительная эрудиция ее автора, но также понимание сложных взаимодействий между настроениями, политическими установками и действиями. Валентин Семенович прекрасно понимал либеральную идеологию, но он также понимал влияние надежд, желаний, опасений, разочарований и метаний, и в особенности ограниченность объяснений политических действий исключительно сферой экономических интересов и социального фона. Когда В.С. Дякин представил конец весны 1915 г. как главный поворотный пункт «на пути к революционным потрясениям», это было потому, что он понял связи между объективной и субъективной реальностью, между практикой и чувствами, равно как и между практикой и теорией.

В.С. Дякин предвосхитил два фундаментальных аналитических вопроса, которые в то время невозможно было открыто поставить в Советской России, но которые заставили меня задуматься при обращении к периоду 1914–1921 гг., равно как и к периоду революционной трансформации России после 1989 г. Первый из них связан с тем, как экономические, политические и социокультурные элементы проходят по революционным разделениям и структурируют пред- и послереволюционную ситуацию. Революционные «развалы» никогда не имеют такой завершенной формы, как обычно это представляется, элементы преемственности присутствуют в особенности в сфере субстантивных (субъективных) культурных формаций и субстантивных аспектах социально-экономических и социально-политических взаимодействий. Второй вопрос тесно связан с первым. Он имеет отношение между этими субъективными элементами и объективными, политическими структурами и

социально-политическими процессами или обстоятельствами: как субъективные и объективные сферы производят или воспроизводят друг друга, и в частности, как субстантивный опыт может придать особый смысл институциональным формам и институтированным процессам. Эта связь может также стать важным ключом к пониманию поведения и действий, которые проходят по революционным разделениям.

Рассмотрим, к примеру, так называемый «рыночный вопрос», т.е. как общество распределяет продукты потребления. Мало кто станет отрицать, что с начала Первой мировой войны до конца 1920-х годов и даже в дальнейшем изменяющиеся формы и процессы товарного обмена имели определяющее значение для ряда явлений в революционной России – таких, как отношения между городом и деревней, инфляция, безработица, внутренняя миграция, промышленная и сельскохозяйственная реконструкция и трудовые отношения. Даже если сделать уступку в пользу экономических «формалистов», как их называли, и признать, что в основе всех рыночных систем присутствует некая теоретическая логика, их реальная форма вполне определено зависит от культурного, социального и экономического контекста, в котором услуги и товары распределяются или обмениваются, от географических идиосинкразий, общественных ритуалов и специфического устройства рынка, равно как от форм экономического эквивалента (деньги или натуральный обмен) и природы политического контроля. Как утверждал один видный экономист, размеры этой зависимости вполне могут определяться сложностью рынка, т.е. тем, насколько он коммерциализован (Granovetter 1985: 481–510). Хотя вопрос о том, составляют ли социокультурные элементы субъективную сущность рыночных отношений или лишь их более широкие контекстуальные границы, был предметом оживленных споров в экономической антропологии между «субстантивистами», такими как Поланый, Долтон и Грановеттер, и «формалистами» – как Харрис и Дэвис, подход к вопросу товарного распределения и обмена на закате царского режима с этой точки зрения мог бы помочь нам при дальнейшем исследовании проблем и противоречий, столь подробно затронутых в книге «Русская буржуа-

зия и царизм» (Polanyi 1957; Dalton 1975; Davis 1973; Silver 1983: 795–829; Harris 1980; Dugger 1989: 607–615), где энергично оспаривается тезис о том, что рынок можно понять вне его институционального контекста.*

Как В.С. Дякин утверждал в этой книге, одно из основных «потрясений» военного периода имело место весной и в начале лета 1915 г.; к этому времени относится полномасштабный кризис внутри и вокруг кадетской партии, связанный с ее отношениями с прогрессистами и левыми, а также с формированием Прогрессивного блока (Дякин 1967). Военные поражения на галицийском фронте в конце весны были симптомами не только политической слабости, но также усиления растерянности и отсутствия понимания того, как управлять разваливающейся экономикой военного времени. Как нам известно, потеря Галиции в июне и немецкое наступление на Варшаву и на Прибалтику сопровождались наиболее серьезными проявлениями репрессивных акций против русских рабочих со времени ленских событий. Расстрел и аресты текстильщиков в Костроме, бастовавших с требованиями повышения заработной платы и улучшения жилищных условий, и последовавшая за этим всеобщая стачка в Иванове, во время которой было убито и ранено еще несколько десятков рабочих, знаменовали собой начало политических и экономических процессов, которые, как мне представляется, определили пути революционного развития России в последующие годы.

Значение событий в Костроме и Иванове заключалось не просто в том, что они знаменовали собой возрождение того типа активности рабочего движения, который чуть не покончил с самодержавием в 1905 г., хотя так их обычно интерпретируют. Важнее то, что они были связаны с неравномерной и в высшей степени дискриминаторской ролью государства в самой экономике военного времени: в последние годы

* Противоречащие друг другу концепции рынка в экономической антропологии подытожены (S. Plattner, ed. *Markets and Marketing*. Lanham, Md, 1985 – сборник, представленный на четвертом ежегодном совещании Общества экономической антропологии) и включены в современную дискурсивную теорию в сборнике, изданном Роем Дилли, основанном на материалах конференции, проведенной в 1991 г.: *The Notion of the Market in Social Anthropological and Sociological Perspective*.

старого режима оно еще более обостряло все противоречия, которые ассоциируются с тем, что можно обозначить как «частичная коммерциализация» России. Говоря о «частичной коммерциализации», я имею в виду особо заметное участие Российского государства в стимулировании и направлении промышленного производства, что было связано с относительным отсутствием внутреннего промышленного капитала, затратами на добычу ресурсов и производство основных товаров, относительной негибкостью массового потребительского спроса, сравнительно недоразвитой банковской системой и, по мнению некоторых, с отсутствием европейских стандартов коммерческой морали и поведения. Здесь важно то, что влияние и власть в экономике государства, которому зачастую бросался вызов со стороны быстро распространяющихся и все более самостоятельных коммерческих элементов, уважались также в культурном плане. Как нам известно, особенно с началом войны коммерческая деятельность, спекуляция, даже обычная мелкая торговля в современном дискурсе несли на себе несколько негативный отпечаток. Большевики вряд ли были первыми, кто стал использовать презрительную кличку «буржуй». В этом контексте многие ждали от государства «справедливой» поддержки промышленности, обеспечения «должного» притока капитала, «честной» регулировки рынка и, что особенно важно, помощи в облегчении социальных затруднений. Широко распространенное субъективное понимание таких базовых социальных ценностей, как «справедливость», «собственность» и даже «законность», представляло собой политически реальный, «институированный» аспект представления о том, как государственный сектор должен был функционировать в экономике.

Если очевидная неспособность государства оправдать такие ожидания вызвала проявления недовольства уже до 1914 г., война сделала этот вопрос центральной проблемой политической легитимности. Если бы правительство не могло эффективно поддерживать ведущую экономическую роль государства и если бы относительно самостоятельная деятельность оказалась более эффективной в деле удовлетворения народных и даже военных потребностей, поддержка существующего порядка определенно бы ослабла даже при «министерстве

доверия». Другими словами, вследствие ведущей роли государства в экономике сбои в механизме экономического обмена и бытовые трудности, которые они влекли за собой, неизбежно вызывали ощущение «несправедливости» при оценке действий самого режима, даже если войну продолжали поддерживать.

То, что такие сбои появились уже осенью 1914 г., вряд ли кто-либо станет отрицать. Это происходило, как мы знаем, отчасти из-за интенсивности военных усилий на западных границах, отчасти в результате сокращения импорта и отчасти потому, что у правительства не было действительного плана того, как обеспечить снабжение армии. Производители текстиля почти сразу же лишились своих зарубежных поставщиков хлопкового и шерстяного сырья, от которых зависела почти половина их производства. Изготовители кожи внезапно оказались отрезанными от своих самых доходных европейских рынков. Процветающие металлические заводы были вынуждены отменить или отложить закупку зарубежного оборудования. Мобилизация изъяла около шести миллионов человек из сферы промышленного и сельскохозяйственного производства в первый год войны, без поправки на профессиональную специализацию. Даже самое эффективно действующее правительство испытало бы немалые трудности, пытаясь возместить эти потери.

Безусловно, тогдашний режим отнюдь не был эффективно действующим: начиная с июля 1914 г. до весеннего кризиса 1915 г. усилия правительства в деле экономической мобилизации оказались на грани катастрофы. Транспорт задохнулся, товары исчезали по дороге к фронту, реквизиции носили хаотический характер. Согласно отчету, подготовленному по распоряжению Министерства торговли и промышленности, война расстроила «всю экономическую жизнь страны». Неконтролируемые реквизиции, в особенности вдоль основных железнодорожных путей, «уничтожили все признаки нормального положения» в ключевых секторах, таких как продовольственное и топливное снабжение, и повсюду повлекли за собой заметное расстройство (Материалы 1917).

То, что кадеты, прогрессисты и другие критики правительства вскоре стали называть «экономическим хаосом», быстро приобрело хронический характер. К весне 1915 г. осущес-

ствился комплексный процесс промышленной и коммерческой сегрегации, при котором «приоритетные» отрасли промышленности и даже отдельные предприятия оторвались от тех, в которые правительство не делало специальных вложений. По вполне очевидным причинам наибольшее предпочтение отдавалось металлургической (вооружение) и химической (порох) промышленности. Именно в этих двух отраслях промышленности в 1913–1916 гг. имел место рост производства. Практически во всех других областях производства наблюдался упадок. В двух самых крупных отраслях российской индустрии – продовольственной и текстильной промышленности – падение производства было стремительным. Валовой продукт продовольственного сектора упал с 1 516 000 руб. в 1913 г. до 1 176 000 в 1916 г., или на 22%, что было отчасти связано с реквизицией лошадей и падением сельскохозяйственного производства более чем на 50%. Производство хлопковых изделий сократилось примерно на 18% (Фабрично-заводская промышленность 1926: 162–163; Воробьев 1923: 150–153; Сидоров 1973: 435–461).*

Это было непосредственным результатом государственной политики. Ресурсы государства хлынули в производство вооружения и боеприпасов, этим отраслям отдавалось предпочтение также при распределении топливных и других запасов, рабочей силы, они получали значительную финансовую поддержку. Даже внутри «приоритетных» отраслей привилегии получали отдельные предприятия, что еще больше усугубляло напряжение, возникавшее в экономике, и вызывало сбои даже в этих отраслях. К примеру, практически все поставки снарядов и шрапнели первоначально были распределены только между 16 заводами. Мелкие или даже средние производители не получили никаких сколько-нибудь значительных контрактов. И хотя объем производства в металлургической промышленности вырос, число предприятий в 1914–1915 гг. сократи-

* Добыча и переработка материалов (в том числе цементное, керамическое, стеклодувное производство) в 1913–1916 гг. снизились примерно на 53%, в годовом объеме продукции – с 154,3 млн.руб. до 90 млн. Производство лесоматериалов упало на 38%, шелка и бумаги – на 20%. Прирост наблюдался, согласно имеющимся данным, только в производстве кожи, полотна, льна и джута, некоторых кожаных изделий и некоторых предметов одежды (особенно обуви) (см.: ЦСУ. Труды. Т.26. Вып.2).

лось более чем на 18% – с 2440 до 1970, численность рабочих уменьшилась примерно на 40 000 человек. Схожие процессы происходили в химической промышленности, причем они усложнялись вследствие региональных различий. В Южной России, к примеру, четверть доменных печей, работавших в 1915 г., закрылась в 1916 г., несмотря на растущий спрос на железо и сталь. В целом в 1914 г. закрылось более 350 крупных предприятий, в 1915 г. – 573 (ЦСУ. Труды. Т.26. Вып.1. С.34–36).

Некоторые закрытые предприятия открывались снова, но дестабилизирующее воздействие войны даже в приоритетных отраслях промышленности пронизывало всю экономику. В многочисленных исследованиях было показано, как финансирование производства становилось сложной проблемой. Приоритетные отрасли получали государственные займы, но это стимулировало инфляцию. Частный капитал в текстильной и других неприоритетных отраслях промышленности был все более скудным. Новый закон от 17 июля 1914 г. дал право Государственному банку выдавать кредиты размером до 1,2 млрд. руб. выше их золотого эквивалента, но эта сумма вскоре оказалась недостаточной (РГИА. Ф.583. (Особая канцелярия по кредитным операциям при Министерстве финансов). Оп.3. Д.1134. Л.19). 1 января 1915 г. в обращении находились 2,9 млрд.руб. правительственных банкнот. Через год сумма достигла 5,6 млрд. (РГИА. Ф.583. Оп.3. Д.1134. Л.19; Сидоров 1960: 134–155; Прокопович 1918: 54–57). Легальные ограничения эмиссий Государственного банка, установленные до войны в 300 млн.руб., были подняты в период с 1914 г. до конца царского режима в пять раз (РГИА. Ф.583. Оп.3. Д.1134. Л.19; Прокопович 1918: 44–47).*

В событиях в Костроме и Иванове так же проявились эти диспропорции, как и глубоко укоренившиеся черты рабочего движения и требования политических прав. Даже если глава костромского производственного комплекса сочувственно относился к потребностям рабочих, как сообщалось, у него почти не было средств, чтобы удовлетворить их. Это вско-

* С июля 1914 г. по октябрь 1916 г. было выпущено 28 новых серий облигаций внутреннего займа различного типа общей стоимостью более чем на 30 млрд.руб. Некоторые дополнительные средства были привлечены из-за границы.

ре стало характерно для сотен других предприятий в отраслях, не имевших свободного доступа к государственному финансированию. Со своей стороны, рабочие-текстильщики также понимали, что ключ к улучшению находится в руках у государства, а не у их непосредственных работодателей. Рабочие призывали государство «национализировать» их заводы с целью добиться более высокой заработной платы и льгот, которые, как они думали, государство сможет обеспечить; это был первый пример явления, которое станет повсеместным во всей революционной России вплоть до 1918 г. (Флеер 1925: 211–217; Haimson, Brian 1992: 389–452).

Политический кризис весны–лета 1915 г. затронул не только тактику и блоки, которые могли бы создать более ответственное правительство. Он касался положения и роли самого государства в повседневных социально-экономических процессах. Здесь особенно важно – и в плане тенденций и процессов, которые были характерны для революционного периода 1917 г., и в плане существенных связей между экономическими процессами и сопровождающими их субстантивными ценностными системами – то обстоятельство, что в тот момент было повсеместно распространено мнение, которое разделялось многими – и рабочими, и предпринимателями, и политическими деятелями, что решение следует искать в более высоком уровне государственного вмешательства и контроля, а не в его ограничении. Действительно, правительственная и политическая реформа, в глазах самых умеренных оппозиционных деятелей, была необходима не только, а для многих и не столько как путь к достижению гражданских прав и свобод, но и как единственный способ обеспечения четкого и эффективного государственного контроля над экономикой и, следовательно, особенно для либералов, – успешного ведения войны.

Более серьезными последствиями для царского режима, чем неудача Прогрессивного блока, как мне представляется, в то время было чреватое расширение усилий государства в сфере экономического регулирования и контроля, на чем настаивали председатель Думы Родзянко и другие думские деятели, равно как и лидеры либералов. Усилились связи между государственными учреждениями и российскими предпринимате-

лями посредством более активного участия в новых регуляторских советах и в растущей сети военно-промышленных комитетов (Журнал Особого совещания по обороне государства. 1915. Май. № 3. С.19; Май. № 4. С.22–31). Вопрос об усилении регулирующей функции государства активно обсуждался в прессе на протяжении зимы 1914–1915 гг. Влиятельные экономические публицисты, такие как П.П.Мигулин из «Нового экономиста», Я.Артюхов и Я.С.Загорский из «Русских ведомостей» и «Современного мира» и Туган-Барановский, часто и остро выступавший на страницах «Речи», писали о том, как неспособность государства контролировать частный сектор привела к диспропорциям производства, росту недовольства рабочих, резким перебоям на рынке. Мигулин в «Новом экономисте» клеймил государство за отсутствие последовательной политики и чрезмерное доверие к частному предприятию (Новый экономист. 1914. № 11. С.2–3). В целом либеральной прессой была нарисована мрачная картина. Туган-Барановский в «Речи» предсказывал тяжелый период промышленного застоя после войны, который сведет на нет все те видимые преимущества, которое могла бы дать победа в войне (Речь. 1915. № 354; Русские ведомости. 1915. 10 декабря; Торгово-промышленная газета. 1916. № 94; Биржевые ведомости. 1916. 14 октября. № 15861; 14 ноября. № 15923; Экономическое обозрение. 1916. Сентябрь–октябрь. №1. С.3–16).

«Промышленная Россия» характеризовала деятельность Государственного банка как «вакханалию» (Промышленная Россия. 1916. 20 марта. № 5–6; 1 мая. № 8–9). Как нам известно, Путилов, Вышнеградский и другие петроградские промышленники отреагировали на это решительной защитой частных синдикатов и трестов, утверждая, что только те, кто «понимает производство» и знает «истинные потребности» населения, могут развивать дальше производительные силы России, и что «совершенно некорректно предполагать, что введение государственных монополий хоть в какой-то степени может облегчить организацию экономики» (Промышленность и торговля. 1915. 15 февраля. № 4. С.175–176; 12 сентября. № 21. С.269–271).

«Государственный социализм», утверждали они, «крайне опасен». Только координация и сотрудничество «частной инициативы», свободной от грабительских налогов и ограниченных правил, может активизировать промышленное производство и сохранить экономическую жизнеспособность России (Промышленность и торговля. 1915. 29 августа. № 19. С.209–220; 12 сентября. № 21. С.269–271).

Создание Особого совещания по обороне на базе Совещания по вооружениям в середине 1915 г. и образование трех новых Совещаний: по топливу, транспортному и продовольственному снабжению – было, таким образом, «победой» для «этаистов» (и для «государственного социализма»). Когда правительство в конечном итоге снова созвало в июле 1915 г. сессию Думы, Родзянко и другие преуспели в том, чтобы придать этим Совещаниям формальное значение и направляющую роль в экономике. Хотя четыре Особых совещания и различные подкомитеты, вскоре организованные ими, формально санкционировали участие промышленников в формировании правительственной политики, они имели гораздо большее значение как средства «рационализации производства», как отметил один из авторов «Вестника финансов», и расширения экономической роли самого государства (Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915. Ноябрь. № 47. С.255). Получив право осуществлять «верховный контроль» над частными и государственными предприятиями, работающими на оборону, распределять контракты, надзирать за производством, контролировать поставки материалов и регулировать продажу, они наряду с возникшей сетью военно-промышленных комитетов отражали широко распространенное мнение, что промышленное производство оказалось дезорганизованным, неэффективным и в недостаточной степени мобилизованным для поддержки ведения войны. Централизация, регулирование и контроль, а не свободная коммерческая рыночная деятельность стали важными элементами обороны Российского государства.

Дальнейшее развитие событий хорошо известно. В то время как промышленники в военно-промышленных комитетах нача-

ли привлекать тысячи производителей по **всей стране** к опи- си своих ресурсов и перечислению своих **потребностей**, Особые совещания принялись **регулировать цены**, руко- водить распределением товаров, **распределять заказы**, как непосредственно, так и через военно-**промышленные** ко- митеты, и, в общем и целом, **расширять государственный** контроль и надзор над производством и **распределением** продукции всех видов. Особый декрет, **принятый** в начале сентября 1915 г., предписывавший **организовать** местные заводские совещания в основных **промышленных** районах с целью содействия особым комиссарам в **выполнении** при- казов, данных совещаниями, заметно **расширил** сферу их деятельности. Эти совещания, хотя в них **вошли** деятели местных земств и городских самоуправлений, а также раз- личные представители министерств и военно-**промышлен- ных** комитетов, сделались в значительной **мере** местными координационными советами государства, **руководящая** и направляющая роль которого все более **усиливалась**.

Они также показали свои зубы. Среди их **полномочий** было право требовать от любого предприятия **немедленно** выполнить государственный заказ, **отложив** другие рабо- ты; право ознакомиться, по их требованию, **со** счетами и другой деловой документацией любой **фирмы**; право про- верить частные контракты и другие **обязательства**; и, если Совещание считало это необходимым, **реструктурировать** производственный процесс и порядок **работ с** целью обес- печения своевременного удовлетворения **государственных** нужд. Осуществление этого широкомасштабного контро- ля обеспечивалось формальным правом **сместить** дирек- тора или управленческий персонал любой **фирмы**, част- ной или государственной, занятой военным производ- ством, «секвестрировать» (национализировать) отдельные заводы и закрывать фабрики или брать их **под** свое руко- водство на временных основаниях, если это **считалось** не- обходимым для поддержки должного **уровня** производ- ства. Наиболее важным было то, что **местные** совеща- ния были к тому же уполномочены **регулировать** уровень производства отдельных предприятий, **определять** размер заработной платы, распространять **государственный** кон- троль на частные контракты и на **непосредствен-**

ные отношения фирмы с ее рабочими и служащими. Таким образом, была сформирована полная структура государственного контроля над промышленным производством, созданы далеко идущие возможности подчинения всех сторон экономики запросам и планам государства (Журнал Особого совещания по обороне государства. 1915. 6 июня. № 6. С.53–55; 20 июня. С.68–69; 29 июля. № 18. С.155–156).

В.Я.Лаверычев и другие, возможно, правы, утверждая, что из-за энергичного сопротивления со стороны видных промышленников и фабрикантов, особенно в Петрограде, в деле регулирования экономики реально не удалось достичь больших успехов (Лаверычев 1988). Но даже если многие из этих регуляционных мер не были немедленно или в полной мере задействованы, их воздействие на ход дальнейшего развития государства в течение революционного периода и его отношения с обществом было весьма значительным. Заданная тенденция к насаждению государственного контроля имела такое же важное значение, как и реально осуществленные меры, поскольку в этом отразилось широко распространившееся желание установить контроль над рынком и торговлей. Распределение средств и ресурсов на основании специальных запросов, организация «надзорных комитетов», отправка различных комиссаров и уполномоченных и даже шаги в направлении милитаризации труда – все эти элементы этатистской тенденции, обычно ассоциирующиеся с советской властью, были частью этого процесса к концу 1915 г. наряду с крайне проблематичной практикой реквизиций и конфискаций.

Так, 12 сентября 1915 г. Андрей Шингарев предложил Особому совещанию по обороне, чтобы с целью контроля за потреблением топлива в Петрограде все предприятия города были подвергнуты тщательной проверке и те, которые «не имели значения» для военного производства, были закрыты (Журнал Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии. 1915. 12 сентября. № 6. С.261). Предложение было передано в Особое совещание по топливу, которое, вместе с Особым совещанием по продовольственному снаб-

жению, занималось составлением подробнейших «Опросных листов о снабжении городов» для всех основных центров промышленного производства. В них указывались сведения о числе жителей, продукции, которой местные власти снабжали жителей и промышленные предприятия, и о ее стоимости, о динамике местных цен на протяжении четырех месяцев и количестве и природе реквизируемых товаров (РГИА. Ф.457. Оп.1. Д.868). Опросники должны были стать частью информационной базы, на которой можно было бы «рационализировать» экономику военного времени в целом и ограничить традиционные коммерческие отношения – «новый принцип», как выразился автор статьи в «Вестнике финансов», «который предусматривает, во-первых, рационализацию стихийных отношений между отдельными экономическими единицами, и, во-вторых, подчинение последних единству общих задач» (Гольдберг 1915: 255–256). В 1918 г. большевики составляли в Петрограде почти точно такие же опросники.

Как было и после прихода Ленина к власти, на практике «рационализация» к концу 1915 г. часто означала выбор пути наименьшего сопротивления. Как только четыре Особых совещания начали функционировать, они передали значительное число заказов на поставку военных материалов и в военно-промышленные комитеты, и на отдельные заводы, и их тут же принялись осаждать просьбами на отпуск различного вида ресурсов, прежде всего денежных. Обычно их предоставляли сразу же, с небольшой документационной поддержкой или вообще без таковой. Так, Метро-Виккерс, получив заказ на пулеметы, попросил у Особого совещания по обороне и получил от него аванс на 4,9 млн. долларов США «без гарантий»; подобные суммы получали местные военно-промышленные комитеты, а Центральный Военно-промышленный комитет в Петрограде получил карт-бланш с правом заключения контрактов от имени государства (Журнал Особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии. 1915. 6 июня. № 6; 24 июня. № 9; 18 июля. № 16; Журнал Особого совещания по обороне государства. 1915. 23 сентября. № 9). А.Н.Фролов, представ-

дьявший Союз городов в Особом совещании по транспорту, описывал процесс таким образом: «Огромное число представителей... проходило через Особое совещание, изыскивая средства... Практически без исключений, Особое совещание удовлетворяло все эти прошения... едва вдаваясь в них» (Железнодорожное дело. 1916. № 15. С.125–126). Наблюдательные комиссии также вскоре были вовлечены практически во все аспекты промышленного производства, от реквизиции помещений для рабочих Обуховского завода в Петрограде до реквизиции молотов с завода Гельферих Саде в Харькове для использования на огромном Путиловском заводе, где недовольство рабочих, низкая производительность и очевидное использование правительственных средств не должным образом побудили Шингарева и других выступить с предложением секвестрировать завод (Журнал Особого совещания по обороне государства. 1915. 7 октября. № 13; 17 октября. № 16).*

Нам, естественно, известно, что эти меры оказались совершенно неадекватными, как это снова будет в 1917 г. и особенно в первые годы советского правления, когда стремление большевиков все контролировать не встречало никаких ограничений. То же можно сказать и о дополнительных мерах, которые опять же будут безоглядно проводиться в жизнь во время гражданской войны. В ответ на растущее недовольство рабочих, и особенно после событий в Костроме и Иванове, промышленники начали оказывать давление на Совет министров, побуждая его более энергично вмешаться в «рабочий вопрос» не только для подавления проявлений недовольства, но и для того, чтобы обеспечить должным числом рабочих «приоритетные» предприятия. Уже в январе 1915 г. Совет Съездов направил в Совет министров особый доклад, в котором предлагалось «милитаризовать» рабочих оборонных предприятий, уравнивать их работу с армейской службой и подчинить их соответствующему дисциплинарному режиму (РГИА. Ф.1276. Оп.11. Д.814. Л.1–2). Фон Дитмар и Южнорусская ассоциация шахт также рассматривали при-

* После забастовки на Путиловском заводе Особое совещание 2 сентября предложило, чтобы сам Совет министров немедленно принял меры по выяснению причин недовольства рабочих (С.238).

менение принудительных мер как наилучшее средство решения трудовых проблем. Они призывали, в числе других мер, использовать труд военнопленных (РГИА. Ф.244. Оп.1. Д.9. Л.8–10 об.; Совет 1999: 194–195). Весной того же года особая объединенная комиссия под председательством генерала Д.Д.Кузьмина-Караваева подвергла рассмотрению вопрос о «милитаризации рабочих», и 29 августа 1915 г. проект, подготовленный Военным министерством, был представлен на рассмотрение Особого совещания по обороне (Журнал Особого совещания по обороне государства. 1915. 29 августа. № 2. С.219–220).

Несмотря на возражения со стороны Шингарева, Аджемова и других либерально настроенных участников заседания Особого совещания, большинство членов совещания приветствовало эти меры как «глубоко государственные» и «справедливые» и сочло их «полностью приемлемыми» также и в качестве орудия борьбы против бастующих рабочих (Журнал Особого совещания по обороне государства. 1915. 29 августа. № 2. С.224). Аджемов возражал, что если «расшифровать» само понятие «мобилизация» (промышленных предприятий), станет очевидно, что это «иностранный термин», означающее узаконенное введение особой системы воинской повинности, подразумевало нарушение всех принципов справедливости, разделения ответственности и равенства обязательств. Оно представляло собой изменение не только степени принуждения применительно к рабочим, но и моральных оснований военной обязанности как таковой. «Мобилизацию» рабочих и служащих можно было бы считать «справедливой» мерой только в том случае, если бы сами заводы и фабрики стали государственными предприятиями и перестали быть источником частной выгоды (Журнал Особого совещания по обороне государства. 1915. 29 августа. № 2. С.228).

Аджемов ясно видел, что ставилось на кон при постановке вопроса о мобилизации труда, однако он упустил из виду более общие проблемы государственного вмешательства. С моей точки зрения, ключевым вопросом было не столько то, что само государство оставалось слабым и его усилия оказывались неэффективными, как часто утверждалось, и даже не то, что

регулирование экономики должным образом имело место не во всех странах – участницах Первой мировой войны. Вопрос скорее был в том, что усилия, предпринимаемые в России, с ее установившимся типом государственного капитализма и с ее лишь частично коммерциализованной экономикой, вели к дальнейшему усилению зависимости от государства, даже (и, возможно, в особенности) в «неприоритетных» секторах экономики, как полотняные мануфактуры в Костроме. В этих условиях субъективное понимание «справедливости», «равенства» и «законности», генерированное экономическими отношениями, формировалось главным образом практикой государства, а не относительно открытыми рынками.

И конечно же, в своей экономической деятельности, как и на фронтах войны, царское государство функционировало все хуже. Можно сказать, что это было неизбежно, так как царское правительство, подобно пришедшим ему на смену либеральному и большевистскому режимам, пыталось установить уровень регулирования и контроля, который не соответствовал возможностям государства. К началу 1916 г. натиск в направлении «государственного социализма», как его характеризовали критические голоса в «Промышленности и торговле», почти полностью поставил под контроль государства внутренний рынок металлов, изделий химической промышленности, угля и товаров из кожи.*

Однако попытки координировать и контролировать даже военное производство оставались хаотичными, диспропорции, вызванные этими мерами, продолжали распространяться по всей экономике. Для ряда фирм продолжение производства становилось все более опасным и невыгодным. В условиях нехватки сырья все большее число мелких производителей, даже те из них, кто работал на оборону, вынуждено было закрываться.**

* «Многие говорят, – писал журнал, – что область частного интереса, в которой стремятся достичь максимума личной выгоды, должна прийти к концу, что наступит новая эра, в которой будут господствовать интересы государства и общества в целом» (Промышленность и торговля. 1916. № 4. С.85–86).

** К началу 1916 г. закрылось около 5 тыс. фирм. Из общего числа 17877 фирм, отмеченных в Главном коммерческом регистре России в 1913 г., к 1916 г. продолжало функционировать только 12492 (Фабрично-заводские предприятия 1914; Сидоров 1973: 347–348).

Военно-промышленные комитеты также не добились особого успеха в решении этих проблем. Хотя во многих случаях комитеты брали на себя распределение государственных заказов (по некоторым расчетам, примерно 4% всех военных поставок), их заказы часто не выполнялись или выполнялись по крайне инфляционным ценам (РГИА. Ф.32. Оп.1. Д.1994 (Протоколы Финансовой комиссии Центрального военно-промышленного комитета. 29 сентября 1915 – 12 марта 1917 гг.). Л.1–20; Д.721). В середине декабря 1915 г. министр внутренних дел А.Н.Хвостов сообщил Горемыкину, что если ему не будет оказана помощь в деле надзора, «Россия вскоре окажется на грани катастрофы» (РГИА. Ф.457. Оп.1. Д.65. Л.127 об., 130 об.).

Реквизиции и произвол со стороны и военных и гражданских властей в 1916 г. заметно усилились, особенно в сельской местности, как показано в отличной работе Т.М.Китаниной (1985: 70–71). При правительственных заготовках рыночного зерна сплошь и рядом назначались фиксированные цены, были предприняты новые усилия в направлении милитаризации труда, особенно в горной промышленности (РГИА. Ф.457. Оп.1. Д.65. Л.88–89 об.). Вскоре были изданы новые правила относительно использования «инородцев» на принудительных работах на частных и государственных предприятиях (РГИА. Ф.32. Оп.1. Д.2159. Л.1–2: Правила о порядке использования инородцев, привлекаемых по реквизиции для работ внутри Империи на государственную оборону). В конце весны 1916 г. А.С.Стишинский направил в Совет министров предложение распространить эту практику и на русских в обстоятельствах, когда, по мнению Совета, это было «необходимо для выполнения работы, необходимой для государственной обороны, которая не может быть выполнена посредством найма» (РГИА. Ф.32. Оп.1. Д.2159. Л.3–4). Тем временем государство, в целях дальнейшего удовлетворения своих потребностей, продолжало выпускать новые займы и увеличивать количество денежной массы. Инфляционное давление еще более усложняло проблемы, порожденные недостатком продовольствия и других товаров, и больно ударило по тем, кто был занят в отраслях промышленности, не связанных

с военными контрактами. К октябрю 1916 г. в обращении находилось почти в десять раз больше бумажных денег, чем в 1914 г. Дезорганизация и беспорядок, вызванные произвольными реквизициями, достигли такого уровня, что собственное бюро уполномоченных Военного министерства было вынуждено сделать предостережение, что ситуация выходит из-под контроля. Согласно одному из доносений, различные должностные лица и власти с сомнительными полномочиями «с крайней настойчивостью» требовали немедленного выполнения заказов на товары и даже их немедленной поставки на условиях, которые было совершенно невозможно выполнить «ввиду исключительно характера самих требований» (РГИА. Ф.31. Оп.1. Д.77. Л.30–31; Арский 1927: 9–12).

На этом фоне шла знакомая эскалация рабочего недовольства и расширения комплексных шаблонов социальной поляризации и конфликта, которые Леопольд Хеймсон впервые концептуализировал в своих статьях по проблеме социальной стабильности в последние годы старого режима и к которым он недавно снова обратился в своем не менее интересном эссе (Haimson 1964: 619–642; Haimson 1965: 1–22; Haimson 2000: 848–875). Драматичная эскалация рабочего движения в 1916 г. со всей очевидностью показала, что для достижения хоть какой-то стабильности в России требуются как пересмотр тех способов, которыми режим управлял экономикой, так и энергичные меры по урегулированию трудового конфликта. Как нам известно, рост рабочего движения заставил Гвоздева, Коновалова и прогрессивных промышленников активизировать усилия, направленные на то, чтобы непосредственно привлечь рабочих к решению проблем через пресловутые «Рабочие группы»: «долевое участие» в разрешении проблем социального недовольства и экономического управления, которое станет краеугольным камнем политики Временного правительства в 1917 г. В то же время прогрессисты и другие еще более энергично настаивали на формировании эффективно действующего и компетентного правительства, представляющего «жизненные силы» России, способного спра-

виться с экономическим регулированием и контролем, которые оппозиционные деятели по-прежнему считали неохотимыми. Эти сдвиги влево, естественно, лишь усиливали враждебность правительства к организациям типа военно-промышленных комитетов, хотя оно и стремилось к насаждению все более жесткого контроля и регулирования.

Для учеников и коллег В.С. Дякина все это хорошо знакомо. Однако я осмелился бы предположить, что самые важные последствия усилий в направлении «регулирующего государства» после кризиса 1915 г. заключались не только в вызванном ими хаосе управления экономикой и административной дисфункциональности, но также, и может быть это важнее, в значительных субъективных элементах, порожденных государственным вмешательством: в «субстантивных» элементах социально-экономического обмена, о которых я писал вначале. По мере того как государство все более и более вовлекалось в повседневный процесс экономического обмена, понятия «честности», «справедливости», «равенства» и особенно «законности» стали непосредственно связываться с деятельностью государства, порождая набор значений, которые окажут заметное воздействие на последующий революционный курс развития России. В заключение следует кратко перечислить, в чем это воздействие могло проявиться.

Первым и наиболее важным я считаю соединение понятия «эффективности» с широким понятием «законности», особенно, но не исключительно, среди простых рабочих, крестьян и «низов» российского общества. Это происходило потому, что импульс к установлению государственного контроля в России, в отличие от Англии, Франции и Германии, заметно усиливал и культивировал зависимость от самого государства. Ответом на трудности, вызванные повышением затрат, даже со стороны петроградских промышленников, негативно настроенных по отношению к регулированию как таковому, было стремление к повышению цен, по которым платило государство; способом оживления забуксовавшей экономики было обеспечение поддерживаемых государством контрактов, даже на то-

вары, выпускаемые для гражданского потребления; способом равномерного распределения основных продуктов питания было обеспечение государством соответствующих пропорций. Историческое стремление рабочих к ожиданию помощи от государства заметно усилилось даже среди самых стойких противников царского режима: петроградских металлистов, работавших на государственных или секвестрированных заводах и все сильнее симпатизировавших радикальной социал-демократии. Этот видимый парадокс покоился на разделении понятий царского правительства, которое следовало радикально сменить, и государства как источника неограниченных возможностей. При всей дисфункциональности режима сильно преувеличенные возможности государства как такового все более воспринимались всеми – в результате его внутренней интервенционистской политики – как основной источник облегчения положения.

В 1916 г. все настоятельнее звучали требования радикальных перемен в неэффективном и репрессивном правительственном режиме, но это означало попытки уменьшить роль самого государства в разрешении российского экономического кризиса. Напротив, царское правительство должно было быть радикально и институционно реструктурировано именно с целью рационализации государства, расширения его регулирующих усилий и придания им большей эффективности. Наряду с усилением протеста против войны со стороны рабочих, крестьян и солдат и с совершенно иным по характеру беспокойством либералов и других политических групп о ее неэффективном ведении, правительственный произвол при реквизициях, установлении цен и распределении товаров придал новый смысл понятиям «несправедливости» и «нечестности» в повседневных экономических отношениях. Показателем легитимности государства стала не его власть, а ее неадекватное применение со стороны неэффективности работающего правительства. В ходе войны, как я уже предположил, субстантивные элементы экономического обмена – способы заимствования из процесса товарного распределения – становились частью способов функ-

ционирования Российского государства в его регулирующей роли в повседневной экономической жизни.

Воздействие этого фактора было очень значительным. При твердо установленном государственном порядке с полностью развитой коммерческой системой неэффективное или дисфункциональное правительство, как правило, не воспринимается как «нелегитимное» независимо от того, основываются ли претензии на легитимность на институциональных (конституционных) принципах или нет. Дисфункциональное правительство – это лишь бремя, которое приходится временно терпеть. Это особенно характерно для демократических государств, но даже и в более авторитарных системах хорошо развитые коммерческие системы смягчают отношения к государству, придавая значение таких ценностей, как «свобода» и «справедливость», непринудительным экономическим транзакциям и способности их участников решать самим, принимать в них участие или нет. За некоторыми исключениями, социальный конфликт и протест против «несправедливых» оплаты труда, цен или других экономических условий обычно разыгрывается непосредственно между антагонистами; государство при этом выступает в качестве посредника, а не определяющей или контролирующей силы. В России же, по мере ее движения к революции (и через революцию), «легитимное» правительство – назначенное ли царем или созданное каким-то новым конституционным или идеологическим способом – все более воспринималось как такое правительство, которое сможет управлять ресурсами государства «честно», «справедливо» и таким способом, чтобы «законно» удовлетворить потребности членов общества, на какой бы социальной базе оно ни основывалось. Другими словами, понятие правительственной легитимности в конечном итоге оказалось оторвано от своего исторического, социального, идеологического и культурного происхождения и непосредственно привязано к социально-экономической функциональности. И так как легитимность стала связываться с функцией, резкое неприятие любых легитимационных претензий стало непосредственным последствием продолжающегося экономического кризиса.

В этой связи можно поставить вопрос о значении Прогрес-

сивного блока. В историографию русского либерализма неспособность царского режима принять программу Прогрессивного блока и сформулировать ответственное правительство расценивалось как критический поворотный пункт, существенная причина роста рабочего движения и усиления репрессий, ставшего его логическим сопровождением. Однако если бы даже Прогрессивный блок пришел в 1915 г. к власти, вполне вероятно, что его собственная легитимность оказалась бы в зависимости от того, насколько успешно он стал бы справляться с проблемами производства и распределения, все более определявшими экономический хаос в России. И учитывая скудость средств и диспропорции производства и потребления, которые отчасти были результатом частичной коммерциализации российской экономики и под воздействием которых процессы обмена попали всюду, можно с немалой долей уверенности утверждать, что вероятность успеха была не слишком значительной. И для Временного правительства, и для советского режима впоследствии сам размах проблем означал, что продолжение экономической дисфункции было неизбежно. В результате под вопросом оказывалось «право» какого бы то ни было правительства контролировать ресурсы государства.

В этих обстоятельствах вполне очевидно, почему резко усилились демократические настроения и почему на представительные учреждения стали взирать как на необходимые и желательные средства выхода из положения. Расчеты Коновалова, Шингарева и других деятелей, которые вскоре стали задавать тон в первом составе Временного правительства, строились на том, что преодолеть социально-экономический конфликт и укрепить позиции государства можно при участии рабочих, групп типа Военно-промышленных комитетов. К 1916 г. призыв к демократизации коренился не просто в идеологических императивах политического либерализма или в моральных основаниях социальной демократии, но в широко распространенном убеждении, что практика участия, при соответствующих институциональных формах и ограничениях, дает наилучшие возможности для

преодоления экономического хаоса, социальных сдвигов и (в различных интерпретациях) военной катастрофы.

Я хотел бы также предположить, что субстантивистские измерения российских социально-экономических процессов во время войны поставили под сомнение, если не сказать более, «демократические» решения проблем производства и потребления, и, как мне представляется, последующий ход российской истории это продемонстрировал. Здесь важно отметить то, что призыв царского государства к экономическому контролю, как и дополнительные меры по экономическому регулированию, проводимые Временным правительством еще систематичнее, и в еще большем масштабе, и еще более активизированные большевиками, не только не смогли обеспечить адекватное действие контролируемых процессов производства и распределения тем образом, который считался «справедливым», но также внесли хаос в относительно самостоятельные рыночные отношения. К октябрю 1916 г., по словам «Экономического обозрения», этот сектор российской экономики также находился в состоянии «полной анархии» (Экономическое обозрение. 1917. 14 января. № 2. С.5–7). Ко времени Февральской революции обширные сектора частной торговой сети практически исчезли – произошел «переворот» в распределении продуктов и товаров во всей экономике, как это сформулировал Центральный военно-промышленный комитет, при котором принцип свободного производства и свободной торговли уступил ведущее место регулированию, реквизиции и контролю (РГИА. Ф.32. Оп.1. Д.2132. Л.188–189).

Субстантивные измерения разрушающихся частных рыночных отношений были не менее значительны, чем ощущения несправедливости и нелегитимности, вызываемые контролируемыми государством транзакциями. Логически, рыночные сделки за пределами государственного контроля в этот период приобретали все более спекулятивный характер, так как постоянный рост цен заставлял и торговцев, и производителей придерживать товар, который оставался в их руках, чтобы в будущем получить более значительную прибыль. Для некоторых обозренных наблюдателей возникший товарный голод превратил «модное слово “жертвоприношение”» в эпитет (Маслов 1917: 39–63).

«Биржевые ведомости» характеризовали российскую биржу как «игорный дом» (Биржевые ведомости. 1916. 16 января. № 15326). Как и в любом контексте дефицита, удобно устроившимся торговцам стало относительно легко монополизировать торговлю определенными товарами на местных рынках, что стало предметом острого публичного дискурса о нерегулярном рынке. Дело было не просто в том, что извлечение прибыли казалось непатриотичным в России военного времени, как это было и в других странах, но и в том, что относительно свободная игра коммерческого рыночного обмена, казалось, работала против широких общественных интересов. Это также было «нечестно» и «несправедливо». На улицах слова «буржуй» и «спекулянт» стали синонимами «негодяя» и «вора». Даже такой видный либерал-конституционалист как А.И.Шингарев, вскоре ставший министром финансов во Временном правительстве, требовал в 1916 г., чтобы Министерство финансов предприняло самые жесткие меры по установлению контроля за спекулятивной деятельностью, ставшей институтированным аспектом российской финансовой и банковской системы (Журнал Особого совещания по обзору государственного. 1916. 16 марта).

Опять-таки, спекуляция и прочая подобная деятельность имели место во всех странах, участвовавших в Первой мировой войне – это всегда характерно в условиях дефицита. Однако в отличие от Западной Европы российский экономический хаос и расстройство транспортной системы и других существенных рыночных отношений в недостаточной мере облегчались субстантивными элементами, которые обычно ассоциируются с хорошо развитыми коммерческими системами, такими как институтированное (укоренившееся) уважение к частной собственности, доверие к валюте, уважение к законодательству и ответственности его институтов, должная оценка предпринимательского поведения и в особенности терпимое отношение к легитимности богатства. По мере того как все эти элементы, вовлеченные в отношения рыночного обмена,

на, все более приводились в конфронтационные связи и вовне, и внутри государственной сферы, эти субстантивные отсутствия заметно ограничивали посреднические функции, которые могли быть обеспечены различными российскими рыночными системами. Рынок труда испытывал препятствия из-за ограничений рабочего движения и милитаризационной практики. Товарный рынок давал возможности для спекуляции и скупки товара. Биржевой рынок способствовал получению чрезмерной и «вульгарной» прибыли. В результате накануне Февральской революции экономические отношения и внутри, и за пределами коммерческого рынка почти полностью ассоциировались с функционированием самого царского правительства. Какие бы выгоды ни принесли интенсивные процессы коммерциализации в России до начала войны в смысле дистанцирования режима от проявлений экономической дислокации и кризиса, все они были полностью потеряны.

В этом процессе политическая легитимизация оказалась закодированной в функциональных терминах. Я позволю себе утверждать, что это справедливо также и для демократических или долевых учреждений и что их легитимность также была напрямую связана с экономической функцией таким образом, который делал неизбежной последующую интенсификацию конфликта. К 1917 г. вера в то, что даже либеральное или социалистическое правительство [было] «легитимным» и что обычная экономическая практика [была] «справедливой» или «правильной», не могла быть в готовом виде генерирована на «свободном» рынке, скорее это могло быть результатом государственного вмешательства. В политической экономии революционной России укоренилось всепроникающее ощущение «неправильности» субъективного элемента, которое и непосредственно, и опосредованно повлияло на российскую политику и культуру в последующие годы.

Литература

- Арский 1927 – Арский Р. Десять лет борьбы на хозяйственном фронте. Л., 1927.
- Воробьев 1923 – Воробьев Н.Я. Изменения в русской промышленности в период войны и революции // Вестник статистики. 1923. № 14.

- Гольдберг 1915 – Гольдберг Г. Мобилизованная промышленность как система хозяйства // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915. 22 ноября. № 47.
- Дякин 1967 – Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. Гл. 3.
- Китанина 1985 – Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985.
- Лаверычев 1988 – Лаверычев В.Я. Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. Гл. 3.
- Маслов 1917 – Маслов П. Развитие производственных сил и продовольственный вопрос как проблемы распределения // Экономическое обозрение. 1917. Ноябрь-декабрь. № 2.
- Материалы 1917 – Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу за первый год его существования. Пг., 1917.
- Производительные силы 1917 – Производительные силы России. 1917. № 6–7 (февраль-март).
- Прокопович 1918 – Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. 2-е изд. М., 1918.
- Сидоров 1960 – Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1960.
- Сидоров 1973 – Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
- Совет 1999 – Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. СПб., 1999.
- Фабрично-заводские предприятия 1914 – Фабрично-заводские предприятия Российской империи / Под ред. Ф.А.Шобера. 2-е изд. М., 1914.
- Фабрично-заводская промышленность 1926 – Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 годов. М., 1926.
- Флеер 1925 – Флеер М.Г. Рабочее движение в годы войны. М., 1925.
- Dalton 1975 – Dalton G. Karl Polanyi's Analysis of Long Distance Trade... // J. Sabloff and C.C. Lamberg-Karlovsky, eds. Ancient Civilization and Trade. Albuquerque, 1975.
- Davis 1973 – Davis W.G. Social Relations in a Philippine Market: Self-Interest and Subjectivity. Berkeley, 1973.
- Dugger 1989 – Dugger W.M. Instituted Process and Enabling Myth: The Two Fases of the Market // Journal of Economic Issues. 1989. Vol.23.
- Granovetter 1985 – Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of «Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol.91.
- Haimson – Haimson L. War and Revolution // Forthcoming Slavic Review.

- Haimson 1964 – Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia: 1905–1914 // *Slavic Review*. 1964. Vol.23. № 4.
- Haimson 1965 – Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia: 1905–1914 // *Slavic Review*. 1965. Vol.24. № 1.
- Haimson 2000 – Haimson Leopold H. The Problem of Political and social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution: Revisited
// *Slavic Review*. Winter 2000. Vol.59. № 4.
- Haimson, Brian 1992 – Haimson L., Brian E. Labor Unrest in Imperial Russia during the First World War: A Quantitative and Implementation //
L. Heimson and G. Sapelli, eds. *War, Strikes and Revolution: The Impact of the War Experience on Italy, Germany, France, England and Russia*. Milan, 1992.
- Harris 1980 – M. *Culture, People, Nature*. New York, 1980.
- Polanyi 1957 – Polanyi K. *The Economy as Instituted Process* // Polanyi, Arensberg and Pearson, eds. *Trade and Market in Archaic Societies*. Glencoe, II, 1957.
- Silver 1983 – Silver M. *Karl Polanyi and Market in the Ancient Near East: The Challenge of the Evidence* // *Journal of Economic History*. 1983. Vol.43.